

но зато очень немалочисленное меньшинство отнеслось к ним с великодушным патриотическим сочувствием. С ним-то я и сошелся в глубоком убеждении, что геройская севастопольская война ясно доказала полную несостоятельность всего государственного строя России, который может быть исправлен только рядом разумных и энергических реформ и что первой из этих реформ может быть только освобождение крестьян из крепостной зависимости, и что освобождение это не может произойти без закрепления за крестьянами той земли, которой они владеют.

В Барнауле я остался всего три недели, что было совершенно необходимо для приведения в порядок и укладки моих обширных коллекций, а затем в конце октября я уже был в Омске.

В Омске я не нашел никаких перемен. Омское общество даже не прислушивалось к «далекому шуму» того, что происходило в России. Реформы, там готовившиеся, не волновали омского общества, непосредственно в них не заинтересованного. Оно еще не соображало, что освобождение крестьян неминуемо повлечет за собой ряд других реформ, которые изменят весь строй русской провинциальной жизни. Ни высшим чинам Главного управления Западной Сибири, ни мелким чиновникам омских канцелярий не приходило в голову, что возможность для первых получать дополнительное содержание от откупщиков и поставщиков провианта войскам, расположенным за государственной сибирско-иртышской границей в Семиреченском крае, а для последних возможность лихоимствовать столь открыто и безнаказанно—прекратятся.

Только молодое поколение чиновников с высшим образованием, привлеченных в Сибирь преимущественно стараниями генерал-губернатора Гасфорта в качестве чиновников особых поручений и вообще его ближайших сотрудников, еще не теряли мужества в своей тяжелой борьбе с хищничеством старого строя, но и они, убеждаясь вместе с генерал-губернатором в своей бессилии в этой борьбе, стремились к переходу в Европейскую Россию. Даже самые юные талантливые и чистые душой вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, глубоко проникнутые своим стремлением и жадой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете.

Я нашел генерала Гасфорта сильно постаревшим и упавшим духом со времени его поездки на коронацию Александра II. Там на него мало обратили внимания, и, по выражению одного из «подчиненных инородцев», его сопровождавших, он, казавшийся таким большим человеком в Киргизской степи, представлялся совсем маленьким в блестящей свите русского царя. В столицах никому не было дела до Заилийского края, и никто не оценивал заслуги генерала Гасфорта, упрочившего за Россией обладание одним из перлов российской территории.

При разговорах со мной и при моих рассказах о Заилийском крае и Тянь-шане старик совершенно оживился и, освободившись от делавшей его смешным в глазах окружающих «мании величия», быстро перешел